

Алексей ВОРОНКОВ

ПЕРЕПУТЬЕ

Амурское село — бедовая судьбина... Сколько всего было-то! За полтора неполных века освоения приамурских земель здесь образовался свой жизненный уклад, сотрясаемый революциями социальными, политическими и экономическими. Если посмотреть внимательно, то чаще всего эпохальные перемены касались именно села: на нем экспериментировали, его ставили под удар, ему отводили роль лакмусовых бумажек на крутых переломах жизни. Сиротой оно почему-то извечно выглядело, хотя брать от него хотели как от родной матушки. Ведь кормильцем всегда было-то оно, оттуда черпали добро и надежду...

У амурского села одно богатство — добрая душа и бескорытность. Широки просторы сельские — бескрайние пашни, луга, перелески... И так же не имеет конца и начала мир сельской провинции, хотя эта бескрайность существует не сама по себе. Хлеб — вот конечная цель всего здешнего уклада, всей здешней жизни, всех здешних помыслов. На него молятся и за него умирают. Вечный круг вечной проблемы...

Амурская пашня хотя и сравнительно молода — первые землепашцы попали на Амур во второй половине прошлого века, но у нее уже есть богатые традиции. Считай, весь Дальний Восток хлебом обеспечивает. А еще есть соя, картофель, овощи... Мы давно уже привыкли называть этот край житницей региона, но почему-то забываем добавить, что это — бедолага-житница с постоянной драматической судьбой. Вы знаете, какими были первые слова земледельцев, которые появились на Амуре? Здесь, говорили они, сеять нельзя. Придет время — и специалисты назовут Приамурье зоной рискованного земледелия. Здесь постоянно происходят природные катастрофы. Это и наводнения, и засуха, и мокрень, и поздние весны, и ранние заморозки... Всего и не перечесать. И хлебороб должен это все перемочь. Вся жизнь у

него уходит на то, чтобы выиграть бой за хлеб. Все Приамурье с помыслами об этих боях, возведенных в степень региональной политики и народного менталитета, рождается, живет и умирает. Вся наша недавняя жизнь подхлестывалась бесконечными газетными призывами, радийными сельхозсводками и рапортами по поводу выигранного очередного боя за хлеб.

За полтора века амурские хлеборобы сумели в этих экстремальных климатических условиях набраться опыта и поднять агрокультуру на достаточно высокую ступень. Не случайно в наших краях целый отряд хлеборобов отмечен самыми высокими наградами, а сама область за успехи в сельском хозяйстве была награждена в свое время орденом Ленина.

Увы, ни самоотверженная работа тружеников полей, ни усилия специалистов и ученых, ни самоотдача и талант многих руководителей не смогли ни вывести местное сельскохозяйственное производство из прорыва, ни создать мощный аграрный комплекс, способный решать проблемы в продовольственном обеспечении области и всего Дальневосточного региона. Да, что-то, естественно, было достигнуто, но этого было мало. Мы помним, сколь постоянно велик был в регионе напярк с хлебом, картофелем, овощами, я уж не говорю о продукции животноводства и прочем. Теперь многие гадают, что было тому причиной — плохое ли руководство отраслью, местные климатические условия, слабая материальная база хозяйств или сама экономическая система в целом... Да, проблем было много, но, повторяю, здешнее сельское хозяйство при всех его прежних изъянах смогло все же наработать определенную культуру производства, достичь определенного уровня. И с этого уровня, если им не пренебрегать, уже можно было начинать реформистский переход на рыночные рубежи экономики. Увы, реформаторский радикализм, породивший экономический хаос в стране, нарушил определенный статус-кво в структуре сельскохозяйственного производства, и уровень культуры его упал. Обидно. И непоправимо. Хотя кто-то и считает, что подобное должно было произойти: только одни утверждают, что переход сельского хозяйства на рыночные рельсы вообще дело гиблое, у других же на языке иное: дескать, переходные периоды вообще сопровождаются определенным упадком, но пройдет время — и все встанет на свое место.

Философия жизни... Она многомудра и разнотолкуема. Сегодня село несет тяжкое бремя испытаний. Не много ли на один век? Ведь сколько было всего — и частное владение землей (вплоть до Октябрьской революции), и сведение частных клиньев в единую коллективную пашню, и товарищества, и колхозы-совхозы... Теперь новая политика — землепользователю вновь предлагают идею частнособственнического способа хозяйствования на земле. Вот уже и законодательную базу к этому подтягивают. Что же касается стратегии нашего российского руководства, то она проста, как прямая линия: благополучие всего сельского хозяйства зиждется на благополучии отдельно взятого крестьянина-единоличника (в нынешней интерпретации — фермера). Хотя в общем-то власти, громко проповедуя идеи фермерства, ничего не имеют против разнообразия способов и форм хозяйствования на селе. Поэтому рядом сегодня уживаются семья фермера и сельхозтоварищество с ограниченной ответственностью, казацкое хозяйство и колхоз...

По Николаю Бердяеву, Россия — страна поляризованного сознания, здесь нет какой-то оптимальной соразмерности. Село тоже нынче в противоречиях — как

экономических, так и политических. Хорошо идет дело у крестьянина — он за новый экономический уклад как в своем селе, так и в целом в стране, плохо — даешь колхозы и власть Советов! Вот она, практическая сторона диалектики, утверждающей, что бытие определяет сознание.

Не скрою: реформы на селе в свое время воспринял как нечто первостепенное и многоважное. Работа газетчика заставляет вникать в суть человеческой деятельности. Я видел, как порой нелепо складывались судьбы на селе, иной раз преступно безграмотно велось там хозяйство.

«Это все, сынок, оттого, что крестьянин искусственно оторван от земли, которая принадлежит всем, а значит никому, — говаривал мой мудрый отец, который до коллективизации успел пожить при так называемой единоличной системе хозяйствования. — А психология человека такова, что он лучше трудится на себя, чем на коллектив. Дай крестьянину самому решать свои проблемы — и его не узнаешь. И пить бросит, и лениться перестанет — всего себя делу отдаст».

Новое прорастало на амурском селе медленно и робко. Директивы сверху, стимулировавшие развитие новых форм хозяйствования, пробуждали надежды крестьянина, но консерватизм собственного мышления, как, впрочем, и иной консерватизм — руководителей хозяйств, а также политических деятелей разного масштаба, заставляли сомневаться. И не только сомневаться — бояться даже тени нового. Оттого долгое время людей одолевали противоречивые чувства: как говорится, и хочется, и колется, и мама не велит. Оно бы, конечно, интересно для крестьянина заглянуть вперед, но как это сделаешь? Опыта-то ни у себя, ни у соседей никакого не было — только и оставалось, что анализировать да предугадывать.

Первыми в Приамурье на первопутье вступили самые отчаянные и смелые, в большинстве своем молодые.

Помнится, в конце восьмидесятых, в тогдашнем еще руководящем областном штабе — обкоме КПСС разговор один интересный состоялся. В нем участвовали специалисты сельского хозяйства, руководители области, первые арендаторы, журналисты. Там такая запомнившаяся мне надолго фраза прозвучала: в арендаторы-де пошли люди молодые. Почему? Работа здесь идет на износ...

Приметил я на этом совещании очень интересного парня — Юру Невдача, который, можно сказать, стал самым первым арендатором в области.

— Большой у нас разлад в хозяйстве произошел во всем, вот и надо налаживать дело. Нервы зажимать в кулак и двигать вперед. Чуть сдашь — не получится, — сказал он мне тогда.

Это он мне про первую, изначальную стадию фермерства, идея которого только созревала в головах реформаторов, говорил. Про аренду земель. А арендовать тогда начинали у государства и у коллективных хозяйств.

А потом я поехал посмотреть арендаторов в деле.

За день до окончания уборочной страды (а тогда шла уже соя) у одного из них, Алексея Коноваленко, от дикого напряжения, которым звено арендаторов жило все последние месяцы, не выдержал организм и он тяжело заболел.

«Все, баста! Больше я в эти «интенсивные» игры с государством не играю. Мне

мое здоровье дороже...» — именно этими словами, или похожими на них, думал я, встретит меня Леша, но произошло совершенно неожиданное.

— Буду ли я работать в звене? — переспрашивает он меня. — Конечно же, буду. А что прихватило, так это с непривычки. Не привыкли мы еще работать, как полагается настоящему крестьянину. Но вот попробовали... Понравилось ли? Да, понравилось. Никто не тычет тебе: иди туда, привези то... Сам поехал, привез. В общем, хорошая форма. Будем работать...

В начале ноября, полностью отремонтировав взятую в аренду у хозяйства технику, братва из артели Невдача ушла в отпуск. А так как они в своем исключительном большинстве являются заядлыми охотниками, то время для отпуска выбрали самое что ни на есть подходящее: кабан пошел. Вот и в один из дней середины ноября, когда я наезжал в Прядчино (а село то находится в семидесяти километрах от Благовещенска), мужики ушли в лес осваивать первозимье, благо дубняки прямо за околицей начинаются. Стоит лес в неглубоком снегу и подслеповато смотрит на случайного путника. А где-то в его глубине бродят нехожеными еще в эту пору тропами и наслаждаются заслуженным счастьем и лесной свободой крепко подуставшие за лето, порастратившие молодые силенки Юра Невдач, Олег Елизов и два Саша — Агафонов и Вдовин. «Бродят и набираются энергии на новые дела, — думал я. — Ведь впереди — жаркое лето 89-го, когда они в непривычном покуда слуху звании арендаторов ступят, как тот славный «архангельский мужик» Сивков (а мы все тогда были наслышаны об этом одном из первых единоличников нового времени, творившем на пашне чудеса), на арендованный клин и, плюнув для крепки три раза в свои бугристые крестьянские ладони, скажут: «Ну, едрена-матрена, начнем, что ли...» И этот миг станет для них историческим фактом их биографии. Да что там их — всей страны нашей, которая медленно еще, но настырно подбирается к новому».

— А ты что отстал от товарищей? — спрашиваю Лешу Коноваленко, а он мне:

— На подворье дел хватает, решил остаться...

Лешин дом стоит в самой сердцевине Прядчина. От него до большака (это Новотроицкая трасса, связывающая находящийся в «аппендиксе» Благовещенск с Транссибом), откуда берет начало село, столько же, сколько и до противоположного края его. Но здешний центр — это не тот, в привычном нашем понимании, который радует глаз своими крепкими пятистенками где-нибудь в справном сельце. Здесь дома похлипше, попрземистей и потому глядятся потоскливее. Да и дом Леша Коноваленко на справный не тянет. А если уж говорить откровенно, то иначе как избушкой на курьих ножках его не назовешь. «Вон в той завалюхе он и живет», — указала мне путь какая-то шустрая местная бабулька. А мне вдруг подумалось: «Ну и ну! И в таких вот условиях пребывает местный знатный землепашец? Можно сказать, начинающий зажиточную жизнь крестьянин Алексей Батькович Коноваленко?! А к лицу ли это хозяйству, которое он своим трудом славит, не уважить человека?»

Хотя стоит ли этому удивляться, думаю, когда все последние годы Прядчино (это было 3-е отделение совхоза «Егорьевский» Благовещенского района) верно шло к своему экономическому (а в равной степени и социальному) краху. До чего ведь дошло: мешок сои посеют — мешок соберут. И меня несколько после этого не удивила жалоба одного еще нестарого рабочего-прядчинца: «Дом у меня валится, приходится с семьей жить в бане...»

А когда-то Прядчино было усадьбой хотя и не столь большого, но довольно приличного по тем временам колхоза с исконно дальневосточным названием «Партизан». Старики говорили мне, что и урожаи в свое время собирали здесь хорошие, и животноводство было развито, другие отрасли сельского хозяйства развивались... В общем, жили люди и не тужили. Но в конце шестидесятых резво пошла в гору, словно молодая глупая лошадка, мода на укрупненные хозяйства. Не обошла она стороной и Прядчино. Так вышло, что, ликвидировав «Партизан» как самостоятельную юридическую единицу, само село присоединили к совхозу «Егорьевский» (центральная усадьба его находится в селе Новопетровка).

Вначале, рассказывают, еще по инерции все шло ни шатко, ни валко. И урожаи на Прядчинском отделении совхоза были, и заработки.

— Я еще успел в начале семидесятых застать хорошие заработки, когда на «Кировце» работал, — рассказывал мне Леша Коноваленко. — У механизаторов тогда в зарплату выходило почти столько, сколько получал секретарь обкома.

Но потом вдруг хозяйство стало хиреть на глазах, беднело село, беднели подворья крестьян, беднее становились сами люди. Впрочем, упадок шел в аграрном комплексе повсеместно. Будто бы выработался ресурс старых идей, а новых еще не было. Все мы помним те времена, когда полки продовольственных магазинов стали походить на птичники после куриного мора — пустота и безнадежность. «Да покажите вы мне наконец ту кучу, куда наше правительство мясо складывает!» — возмущенный пустыми продовольственными прилавками, помнится, на глазах у публики в сердцах говорил какой-то работяга. Его слова я запомнил на всю жизнь. Они были как бы эпохальными и выражали суть нашей недавней истории.

А тогда откат, хотя и невеликого, но тем не менее определенного благополучия в селах шел быстро. Дошло до того, что деревня перестала печь свой хлеб. Перестала! Хлеб стали завозить туда чуть ли не из города. Да что там хлеб — мясо, овощи, другое продовольствие. Прослыло захолустьем вконец и Прядчино, село по своему географическому расположению необыкновенное, окруженное со всех сторон красивыми озерами, лугами и лежащее у огромного лесного массива, что убегает вдаль по горбатым сопкам. Глянешь вокруг — красота земная, а заглянешь в здешнюю человеческую жизнь — скучно на сердце становится.

А еще село прослыло своими горькими пьяницами и бездельниками. Вот ведь до чего дожило некогда трудолюбивое село. У нас ведь как повелось: коли жизнь не удастся, мы миримся с существующим положением и опускаем руки, надеясь при этом то на Бога, то на судьбу, а чаще — на наше родное правительство. Авось-де кто-нибудь и поможет. Но жизнь шла, а никто не помогал. Сами же люди по причине существовавших тогда жестких экономических рамок переделать свою жизнь не могли. Чуть что — сразу грозный окрик: стой, назад! Этого нельзя, а того нельзя тем более... Ну разве поперешь против ветра?

Дошло, короче, до ручки Прядчино. Было даже, вспоминают с горечью старожилы села, что один из прежних директоров «Егорьевского» (а директора тогда менялись часто — никто не мог справиться с разрухой хозяйства) не без мрачного ехидства заметил, что, дескать, из вашей деревни заимку надо сделать — и дело с концом. Сказать сказал, да, жаль, не разбудил у местных мужиков обиду за свое поганое житье, не мобилизовал их на добрые дела — ведь время-то уже иное

пришло, когда можно было свободно творчески подойти к своим проблемам. Увы, чувство безразличия и безысходности, которое долгое время мы взращивали в себе, усыпило крестьянскую гордость. Да только ли ее?

— Да, места красивые у нас, — говорили тогда прядчинцы. — Жаль только, жизни здесь нету...

— Почему бегут люди из села? — переспросил меня один умный здешний мужичок. — А потому, что будущего у села нет. Серая, одним словом, здесь житуха. Вы видели, чтобы в нашем селе где-то ребятишки играли в футбол? Правильно, не видели, потому что им здесь негде даже мяч погонять. Все в упадке. Так и идет жизнь...

Вот и Леша Коноваленко мне в том же духе говорил:

— Тоска зеленая... Я сейчас в отпуске, а куда пойдешь? Клуб на ладан дышит, кино в нем редко показывают. Библиотеку и ту увезли. Говорят, не положено, читателей мало.

Много выслушал я тогда грустных слов от местных жителей. С горечью сетовали они на свою судьбу: и дома-то им совхоз не ремонтирует, и новые не строит, и учреждений соцкультбыта у них нет. Школы — и той нет, так что ребятишки живут и учатся в Новопетровском интернате. И это при живых-то родителях!

«Да, — думалось, — беда! И такое творится в селе, которое находится не на великом расстоянии от областного центра! Тогда каково тем селам, которые находятся в региональной глубинке?»

Такая картина в предреформенную эпоху была повсеместно. Хотя встречались хозяйства с более высоким достатком. И вот, оттолкнувшись от того, что существовало, нужно было перейти поскорее на более высокую ступень жизни, реформировать структуру агрокомплекса, но так, чтобы не навредить ему. На первых порах казалось, что так оно и будет. Шла постепенная эволюция хозяйственно-экономических отношений на селе, медленно, но, думаю, верно внедрялись новые, более совершенные, с точки зрения конечного результата, методы организации сельскохозяйственного труда.

* * *

В 89-м артель Юрия Невдача (тогда она называлась коллективом интенсивного труда — КИТ) собиралась полностью перейти на арендный способ хозяйствования. Предыдущее же лето было как бы пробным шаром — аренду взяли частично. Сами еще не знали своих возможностей, да и начальство еще подозрительно посматривало на все эти новые затеи. Дескать, хлебное поле — это не то место, где нужно экспериментировать — это же вся их жизнь. Что касается государства, то оно поступило тогда достаточно мудро: дабы не пойти привычной кривой дорожкой и не перегнуть палку, арендную форму организации труда было решено внедрять не прежними силовыми методами, а способствовать ее распространению с помощью убеждения и пропаганды опыта лучших арендных коллективов.

Увы, в Приамурье новая форма хозяйствования приживалась очень медленно. Достаточно сказать, что в год 88-й, первый арендный год, в полеводстве трудилось по новому методу всего лишь шесть коллективов. Причин, тормозив-

ших арендный подряд, называлось тогда много, и одна из них та, что аренде не давали хода сами руководители и специалисты хозяйств. И это не удивительно: при арендном подряде стал падать их престиж, порой они оказывались не у дел — арендный коллектив начинал хозяйствовать самостоятельно. Когда же арендаторы нуждались в консультациях специалистов, они нанимали для себя того, кто им казался наиболее сведущим в деле. Землепашец пошел другой — его на мякине не проведешь. Это раньше бывший троечник сельхозвуза мог пудрить людям мозги, но арендный подряд был школой высокого земледельческого искусства и троечникам там делать уже было нечего. Шла же молва о Юре Невдаче: дескать, он с самим областным начальством на равных говорит. Так что он уже знал, кого себе привлечь в консультанты, а кому показать от ворот поворот. Вот и выходило, что слабые в своей подготовленности специалисты как черт ладана боялись всяких нововведений: глядишь, не у дел останешься, — а потому всякими путями отталкивались от них.

Здесь, я думаю, следует сказать несколько слов о человеке, кто одним из первых зачинал арендный подряд в нашем регионе, я имею в виду Юрия Невдачу. Юра — мужик из местных, прядчинских. Всю свою жизнь, исключая годы, что прослужил в армии, проучился в сельскохозяйственном техникуме да чуток поработал на Благовещенской хлопкопрядильной фабрике (видимо, как и полагается в молодости, искал себя), прожил в родном селе. И кому, как не ему, с болью было сознавать горькую участь своей малой родины.

— А работник он хоть куда, — говорили мне здешние селяне. — И механик отменный, и командир производства, и на трактор сядет — любо посмотреть...

Да, Юра за свои тридцать с небольшим прошел тогда все азы сельскохозяйственной науки. Был и простым механизатором, был и управляющим отделением.

В ту пору в совхозе, да что в совхозе — везде, где только существовало сельскохозяйственное производство, полеводы трудились по принципу «всем миром». Вместе и на сев, вместе и на сенокос, вместе и на уборку хлебов да сои...

— Вот и выходило, что мы тунеядцев плодили, — говорил мне Невдач. — Один пашет, другой за его спиной руками машет...

Юра первым из здешних мужиков почувал, что надо что-то менять в отделении совхоза. Видимо, многое этому человеку нужно было перемолоть мозгами, многим переболеть, чтобы однажды прийти к однозначному решению: то новое, что идет в село, — мое. Слишком привлекательно, многообещающе и недвусмысленно было это новое. Ведь оно пришло без всяких там параграфов и запретных пунктиков в кармане, с бесовской, чуточку даже авантюрной искоркой в глазу и горячим свежим дыханием. «Давай, — говорит, — дерзай — не то опоздаешь и поезд твой уйдет...» А ведь он, этот поезд, ждал. Долго ждал. Говорил, верил, что придет.

— Сегодня только новые реформы могут помочь выжить таким селам, как Прядчино, — рассуждал Невдач. — Дальше идти в ту сторону, куда мы шли, — некуда, дальше тупик.

Когда Невдач задумал создать бригаду интенсивного труда, которая взяла бы в аренду землю и работала на ней, он стал внимательно присматриваться к мужикам, мотая себе на ус, кто как работает. Ему были нужны отчаянные и работающие. Наконец, четверку нужных ему мужиков он отобрал. Эти были готовы принять его

идею «крестьянского труда до седьмого пота». «А чё, мы ничё, — говорили, — мы справимся, мы все перемогём...»

Совхозное начальство оказалось на высоте: оно прониклось пониманием затеи Невдача, уразумев, что затея эта современная и развивать ее будут на государственном уровне, — поддержало. Были, естественно, кое-какие проблемы, но они оказались преодолимыми. Мужикам предоставили частичную аренду (в аренду они взяли технику и часть пашни — под зерновые и сою). И погнались они, как говорится, с самой весны так, что можно было только дивиться их прыти. Первыми они в районе отсеялись, первыми прокультивировали всходы, а потом так же первыми и урожаем собрали — вначале зерновых, потом сои. Да не просто собрали, а установили рекорды всех прошлых и нынешних времен. Например, еще недавно средняя урожайность ячменя здесь составляла от силы 5 центнеров с гектара. А звено интенсивного труда Невдача в тот год на круг брало по 12,5 центнера. То же самое и с соей. В предшествующем году в среднем ее собирали по 3,8 центнера с гектара, а теперь с лихвой перекрыли пятицентнеровый рубеж, на который они нацеливались, — по 15 центнеров с гектара в среднем собрали. Могли бы, говорили арендаторы, и лучше сработать, да былая бесхозяйственность не дала этого сделать: земли довели до такого жалкого состояния, что запасов гумуса в почве оставалось во многих местах менее пяти процентов. Поняли: земле нужен ремонт. Крепкий ремонт.

В тот год они удивили все Прядчино. Да что там Прядчино — весь район, а может, и всю область. Зерна пятеро мужиков намолотили столько, что раньше всем селом никогда не собирали. То же самое произошло с соей. И зябь вспахали под зиму — прежде-то всегда оставляли часть невспаханной земли на следующий год. А тут вдруг животноводы отличились — они там тоже на аренду перешли. Так вот и по молоку вышел районный рекорд. В общем, говорили люди, Прядчино в том году будто бы с ума сошло. Знали бы они, что подобное «сумасшествие» самим временем было запланировано, самой нелегкой российской судьбой...

Помню, какая ломка сознания шла тогда у людей, непосредственно попадавших в зону действия агрореформ. Николай Сергеевич Плотников работал в конце восьмидесятых экономистом в совхозе «Егорьевский». Человеком он был молодым, но работником уже со стажем. У него, в отличие от многих специалистов села, было в общем-то позитивное отношение, как он говорил, к новому процессу в деревне. Почему? Видимо, парнем был башковитым и понимал, что нужны перемены. Иначе — дело швах. И это несмотря на то, что ему, как и многим другим специалистам, угрожала отставка. Много их, бездельников, говорили тогда, расплодились, пора, дескать, сокращать.

— Я тоже, можно сказать, некрепко сижу в своем кресле, — откровенно признался мне Плотников. — Потому что не могу себя современным специалистом считать, таким специалистом, в которых нуждается арендатор.

По его словам, таких «современных» в хозяйствах области вообще мало. Потому что сама система администрирования, которая долгие десятилетия доминировала в сельском хозяйстве, готовила определенный тип специалистов, которые, по словам Плотникова, должны были уметь лишь вовремя рявкнуть на подчиненных, вовремя по столу кулаком ударить или матом запустить. В общем, формула отношений между

начальником и подчиненным была проста. Но вот насчет профессиональных знаний — здесь у специалиста было слабо.

— Поэтому, конечно, таких в хозяйствах будут сокращать, если хозяйства станут переходить на арендную систему, — говорил мне Николай Сергеевич.

Отзываясь об аренде самым добрым образом, Плотников тем не менее категорически заявлял, что сама по себе аренда — это еще не панацея от всех бед на селе. Здесь нужно что-то большее — глубокое реформирование аграрного сектора в целом, который, как и вся государственная экономика, должен был перейти на рыночные рельсы. Только тогда, говорил молодой экономист, станет прогрессивной и действенной вся структура сельскохозяйственного производства, только тогда крестьянин, стимулируемый большими возможностями рынка, перестроит свою психологию и начнет работать не из-под палки, а с искренней потребностью изменить свою жизнь к лучшему.

В общем, сама жизнь уже была готова к глубоким реформам в экономике. И самые башковитые на селе были к этому готовы, — начиная от обыкновенного механизатора и кончая руководителями-новаторами. Так что вскоре реформы спустились не в пустые головы и холодные души — они нашли для себя почву...

«На арендное первопутье ступили люди, — писал я тогда в одной из своих статей. — Все они разные и по социальному составу, и по образованию, и по жизненной выучке. Только делать им одно дело придется — дело, от которого многого сегодня ждут. И прежде всего ждут того, что «коллективизированный» и замороженный запретами крестьянин наконец превратится в настоящего свободного землепашца, который будет уже не как прежде постоянно бороться за урожай, а просто заниматься тем, что ему положено по его социальной должности — выращивать хлеб...»

Экономические реформы на селе пробивали себе дорогу и приживались в Приамурье тяжело. С одной стороны, на их пути становились консервативно настроенные хозяйственники, боявшиеся остаться не у дел. С другой, чапаевским галопом решив построить «светлое капиталистическое будущее», портили дело горячие головы, что восприняли спущенную сверху свободу экономических действий по-своему.

...Амурские поля к излету лета притихли, беременные и заматерелые от доброй спелости. Чем зреее поля, тем больше в них осенних теплых красок. Вот медной волной пробежал вдаль между каналами мелиоративной системы гречишный зрелый клин; вот соевое поле показалось за редколесьем — в нем тоже угадывается недалекая зрелость... А это поле хорошо свежей пахотой; на нем росла пшеница, которую убрали в недавнюю зерновую страду. «Оно б уже и гречиху следует убирать, — говорит мне крестьянин из Новгородки, — но погода вот никак не установится — что ни день, то дождь». И объясняет: гречиха — растение своеобразное, промедлишь — и зерно осыплется на землю, а рано скосишь — оно еще незрелое, цвет еще не спал. Так вот, лучше всего скосить этот злак незрелым и оставить при стебле в поле под солнцем — чтоб дозрел.

Это меня, повторяю, крестьянин из Новгородки, что в Свободненском районе, просвещал. Один из тех немногих, кто в ту весну 93-го ушел из своего родного

совхоза «Свободненский» — ныне товарищество с ограниченной ответственностью «Свободненское» — в свободные фермеры, то бишь, если говорить по-русски, в единоличники, и теперь неприкаянный горе мыкал, потому как мыкать горе для тогдашнего единоличника в том же Свободненском районе (а по моим наблюдениям, подобное творилось у нас в области сплошь и рядом) было делом обычным, ибо все и вся ополчились против молодых всходов аграрно-экономической реформы. Против «этих самых», как иной, не приемлющий нового, которое, как оказалось, является в общем-то хорошо забытым старым, с сарказмом будет называть их. За что такая нелюбовь, спросите? Да потому что, по словам не приемлющих, «эти самые» есть настоящие кулаки и мироеды, которые, выделившись из коллектива, желают обогатиться. Что ни говори, а обывательская, упрощенно-примитивная логика людей, наработанная за семьдесят предыдущих лет, оказалась очень цепкой. Вот и слышно было: ату их, новых мироедов, — ведь они плоть от плоти тех, недобитых в начале тридцатых! Получалось так, что слова «богатый», «богатство», как и в те далекие уже времена, кто-то усиленно старался загнать в ряд ругательских, а может, и вообще приговоренных...

— Есть такой старый анекдот, — рассказывал мне другой здешний крестьянин-«самостийщик». — Октябрь семнадцатого. К бабке-графине прибегает внук. «Бабушка! — кричит с порога. — Революция!» — «Ну и что такого, — говорит бабушка, — мой дед тоже был революционером, декабристом. А скажи, — спрашивает вдруг она, — с какими лозунгами люди вышли на улицу?» — «Долой богатых!» — отвечает внук. «Тогда беда, — говорит бабушка. — У наших-то дедов другой лозунг был: «Долой бедных...»

Я понял, на что намекал крестьянин, — на нашу действительность. В самом деле, тогда ор стоял жуткий: не дадим возвратиться классовому врагу в наши края! И среди тех, кто это кричал, было немало власть предержащих персон, что уже значительно серьезнее. «Нет!» — говорили они тем, кто хотел уйти на хутора или просто отойти от коллектива и заняться самостоятельным трудом. А если где и шли под нажимом на попятную, то загоняли единоличника на такие выселки, на такие неудобья, что тому хоть помирай — а одному в подобных условиях не потянуть. И калечились души людей, а в целом получалось, что реформы наши пробуксовывали. Кто хорошо знал историю или же пережил в свое время эру так называемого «раскулачивания», тем знакомы были мотивы из нынешней запретной практики.

Мне надолго запомнились судьбы тех крестьян из деревни Новгородки, кто отправился в одиночное плавание по морям нахлынувших реформ. Были они плоть от плоти потихоньку хиреющего новоявленного сельхозтоварищества, которое являлось прямым правопреемником овоще-молочного совхоза и, в общем-то, по сути своей ничем не отличалось от него, потому как, подобно тому, верно и семимильно устремлялось к своему экономическому краху. Как говорили мне здешние мужики, товарищество пребывает ныне в долгах как в шелках, вот и решило его руководство сокращать не только овощной клин, но и дойное стадо. И это при том, что Новгородка, стоящая у самой черты города Свободного, второго по величине в области, являлась главным его кормильцем.

— Стыдно сказать, — говорили люди, — кругом хозяйства такие богатые луга, а оно без кормов было всю зиму.

А лугов здесь, как и пригодных под пашню земель, действительно в достатке. В свое время мелиораторы потрудились на славу и подготовили для хозяйства целую гигантскую мелиоративную систему, в результате чего еще в так называемые застойные времена совхоз «Свободненский» приобрел достаточное количество производственных земель. Но вот шло время, и вместе с хирением прежней политико-экономической системы хирела под Свободным и мелиоративно-совхозная система, которая в конце концов в большинстве своем превратилась в сплошные неудобья, на которых хозяйствовать стало, мягко говоря, трудно. Вот эти земли прихотью времени и местного сельского начальства и превратились в место ссылки для тех, кто захотел крестьянской воли.

— Я одним из первых в совхозе (по старой привычке все здесь продолжали называть свое хозяйство на прежний лад) ушел в фермеры, — рассказывал мне бывший бригадир кормозаготовительной бригады Николай Маланчук. — Но со мной администрация хозяйства обошлась еще более-менее по-человечески. Выделили мне землю — правда, худую, в сопках, где сколько посеешь зерна, такое же количество и соберешь (это показала осень: земли в сопках дали очень низкий урожай зерновых. — *Авт.*). Технику какую-никакую дали... Но вот с теми, кто после меня попытались уйти в фермеры, обошлись круто...

Я попросил его назвать фамилии этих обреченных на каторжный труд людей: мол, история должна знать первопроходцев сельскохозяйственных реформ. И он назвал их: Павлов, Субботкин, Кузьмин, Пономарев...

Как потом выяснилось, о всех этих людях в селе добрая слава идет. Мне говорили о них: мужики умные, классные механизаторы, деловые, трезвые. Такие, впрочем, во все времена шли за передовой идеей; их тяготит рутина, им нужны простор для действий, творческая свобода, самостоятельность. Увы, такие люди на Руси вечно признавались возмутителями умов, разрушающими мерный ход событий и привычный закоснелый быт. Вот и в Новгородке самые крепкие духом крестьяне превратились в изгоев. Хотя это было вопиющим нарушением указа российского Президента № 323 от 27 декабря 1991 года, который предписывал беспрепятственный выход рабочих совхозов и членов колхозов из своих хозяйств с выделением им пая земли. А задумка у этих мужиков была добрая: вместе с Н. Н. Маланчуком организовать крестьянское фермерское хозяйство. Но время шло, а их все не регистрировали в качестве юридического лица, мурыжили и жизни не давали. Все инстанции, говорили они мне, прошли: и в районном комитете по земельной реформе были, и в областной, и в районной администрации тоже были, в малый райсовет (помните, были такие тогда) стучались — все тщетно. У начальства подспудные мысли проскальзывают: если пойдут на уступки «самостийщикам» (а у фермеров Новгородки одна просьба: дать им приглянувшиеся 61 гектар земли, кстати, далеко не самой лучшей из того, чем владеет товарищество, чтобы на этих угодьях выращивать овощи и корма для скота), развалится все товарищество — все побегут в фермеры. А это значит, агрогенералам нечем будет командовать...

— А может, начальство иного боится? — пытаюсь до конца выяснить ситуацию и потому задаю этакий прощупывающий вопрос старшему среди тех, кто решил

собрать деловых мужиков в фермерскую связку, — Николаю Маланчуку (тогда он, между прочим, заканчивал экономический факультет Благовещенского сельскохозяйственного института и потому среди своих партнеров считался человеком наиболее грамотным и авторитетным). — Например, того, что вы тут же перепрофилируетесь и начнете выращивать не овощи, в которых нуждается Свободный, а что-то иное, то, что экономически для вас выгоднее...

Маланчук — мужик серьезный, и ответ его был столь же серьезным и взвешенным: нет, мол, у них причин для перепрофилирования, когда под боком товарищество строит заводик по переработке овощей. Да и вообще-де выращивание овощей — дело достаточно выгодное. Например, нынче он с мужиками (а те пока работали на него, ибо только у Маланчука имелось право заниматься фермерским хозяйством, ему лишь одному ассоциация фермерских хозяйств области продает технику, а банк выдает кредиты) вырастил столько огурцов, что, как говорится, некуда их было девать. Вот и продавали окрест ниже рыночной цены.

— А землю, что мы просили под пашню, нам не дали, — говорил мне Маланчук. — Отвели те участки на мелиорированных запущенных землях, где вырастить что-то практически невозможно, где и трактору-то трудно пройти... Кстати, чтобы не дать те приглянувшиеся нам шестьдесят гектаров, руководство товарищества приказало засеять их морковью, свеклой и редисом. Так торопились, что сев произвели слишком рано, потому урожай погиб. Пришлось поле перепахивать...

Как говорится, и смех, и грех... Потом я побывал на этом поле, которое не по графику отдыхало под парами. И удивлялся черствости душ тех, кто, как говорят в народе, и сам не ам, и другому не дам, кто вопреки здравому смыслу сидит в своих креслах, словно собака на сене, и в прямом смысле слова подрывает экономику своего района, а в конечном итоге — веру людей в реформы.

Побывал я и на мелиорированных полях, часть клиньев из которых выделена начинающим фермерам. Картина удручающая: заросшие деревьями и травой водоотводные каналы, среди трав то здесь, то там — лиманы, грязь непролазная...

Вместе с ведущим инженером Амурской мелиоративной проектно-изыскательской экспедиции Е. А. Зубковой обходим поле.

— Мелиоративная система, — говорит Елизавета Александровна, — полностью запущена. Она требует основательного ремонта. Здесь должно быть как: ежегодно нужно проводить уходные работы — скашивать траву возле каналов, ухаживать за дорогами, очищать каналы от ила. Этого здесь не делается.

В целом же Зубкова сделала заключение, что земли системы и при лучшем, как говорится, раскладе могут сгодиться разве что для выращивания многолетних трав. Поднять же фермерам эти земли под пашню, по ее мнению, просто невозможно. Ведь, чтобы восстановить систему, плодородный слой земель, нужны колоссальные средства. Увы, вместо того чтобы ремонтировать бросовые поля, выращивать на них корма, руководство товарищества «Свободненское» пошло на сокращение животноводства в хозяйстве. Не парадокс ли?

Хотя хозяин — барин: товарищество как самостоятельная экономическая единица вправе было производить то, что считало нужным. Прошли времена, когда хозяйствам навязывали волю высокого руководства. Но это экономический аспект ситуации, а был еще нравственный: близлежащий крупный город, каким является Свобод-

ный, оставался в таком случае без молока. Мог остаться и без овощей. Ведь куда как проще перейти товариществу на выращивание той же прибыльной гречихи (что, кстати, уже и делалось).

Вот так и было в Новгородке все выстроено против элементарной логики. И это происходило при прямом участии представительной и исполнительной властей района. Мне говорили, что приезжал для разбора в Свободненский район человек из областной администрации, но его перехватило местное начальство, и он так и не смог выбраться из городской гостиницы в село. Пришлось фермерам обращаться в суд, который позже и поставил все на свои места: фермерам дали все, что им положено.

— Вся эта катавасия затеяна была чиновниками разного уровня для того, — говорил мне выезжавший вместе со мной в Новгородку юридический помощник представителя Президента России в Амурской области Борис Парубенко, — чтобы люди, кого так или иначе задела эта история — а это и сами фермеры, и их семьи, жители Свободного, которые недополучают продукцию из села, — невзлюбили власть реформаторов, которая, по их мироощущению, виновна в упадке села. А на самом деле вся вина здесь в тех самых чиновниках, руководителях районного звена, которые снизу не дают идти реформам. И так повсюду.

Да, так было тогда повсюду, по крайней мере в Амурской области, — сам тому был свидетелем. Историческая правда хорошо сейчас видна с расстояния иного времени. И в том была трагедия реформ. В том была трагедия того же амурского фермера, которого травил те, кто этих реформ боялся пуще смерти. Те, кто окопались во властных структурах, которые, по сути, сами должны были двигать новые экономические отношения на селе вперед. Оттого мы больше упустили, чем сделали. На хаосе, на раздразе, на конфликтах доброе не строится. А если приплюсовать к тому еще то, что мы вообще не имели опыта работы в рыночных условиях, то и получится тот грубо склеенный конгломерат, что мы имеем сейчас в сельском хозяйстве.

В этой нынешней напряженной атмосфере не последнее место занимает так называемая социальная зависть. Над Амуром вновь, как и в далекие дореволюционные годы, когда в разгаре была классовая борьба, когда экзальтированная сельская беднота жгла помещичьи усадьбы, появились «красные петухи». «Да неужто мы без них не можем? — возмущались трезвые головы. — Неужели история наша настолько заиклилась на махровой и безнадежной дури, что мы генетически способны лишь воровать да пускать этих самых «петухов»?»

«Все-таки давненько их не бывало — пожаров бессильного мщения, — размышлял я, когда социальная зависть стала набирать силу на берегах Амура. — С тех самых пор, пожалуй, как наша держава погрузилась в розовый туман всеобщего равенства».

Но вот пришли времена, когда люди получили возможность — нет, не стану ставить здесь акцент на слове «обогащение» — умно хозяйствовать, творчески подходить к экономике и в результате приобретать достойные большого труда блага. Формула социализма «От каждого по способностям, каждому по труду», существовавшая раньше только теоретически, нашла наконец себе место в новых условиях. Снова появились у нас на Руси зажиточные люди, а ведь, как известно, благосостояние самого государства напрямую зависит от количества таких людей. Но вот беда: мы всегда имеем людей бедных, а среди них немало тех, кто не может видеть рядом с

собой сытые, улыбающиеся лица. Может быть, это естественное состояние человеческой природы — не знаю, но знаю одно: мы сами, разводя бедноту, не умея сделать наше государство (а значит людей) богатым, стимулируем социальную зависть. Еще мы стимулируем ее тем, что позволяем обогащаться не людям разумным и трудолюбивым, а тем, кто зарабатывает большие деньги криминалом. А ведь нынче как раз в такой ситуации мы и находимся. И тогда стоит ли удивляться тому, что у нас появились эти самые социальные мстители?

Но я не хочу их оправдывать: в стране должны править не произвол и эмоции людей, а законы. Разве можно сегодня, и в без того тревожное время, когда страна находится на грани экономического краха, когда повсюду свирепствуют безработица и безнадега, когда наше правительство ведет кровопролитную, затяжную войну в Чечне, которая уносит жизни людей и последние наши финансовые ресурсы, потворствовать социальным страстям, не осуждать их, не призывать к разуму мстителей всякого рода, думал я. На Амуре до недавнего времени (сейчас немного страсти поутихли) жгли частные ларьки, жгли дома преуспевающих людей, жгли частные предприятия... Что ни день мы узнавали о новых деяниях «мстителей». Но особенно в память врезался один случай, который не мог оставить равнодушным ни меня, ни моих земляков.

Живет в селе Троицком Благовещенского района Виктор Никитич Моргун — один из примерно трех десятков здешних фермеров (фермерство, несмотря на огромные препятствия, быстро распространялось в области, так что к середине девяностых многие села сплошь уже состояли из крестьянско-фермерских хозяйств). И все бы ничего — паши, борони, сей, выращивай хлеб, — да вот не дают, видать, покоя кому-то успехи фермеров. То ли не могут смириться с тем, что люди ушли из коллектива и живут сами по себе (помните недобрый лозунг: «Кто не с нами, тот против нас?»), то ли мысль о чужом кармане спать не дает, а может, это страх за собственное будущее толкает кого-то отдалить горизонты его — ведь, по новым веяниям, будущее — за работающими людьми и лодырю в нем места нет...

Первым пострадавшим в Новотроицком стал фермер Моргун, который являлся здесь председателем районной ассоциации фермеров. В одну из ночей рука какого-то негодяя (или негодяев) вывела из строя всю принадлежащую ему сельхозтехнику, находившуюся на полях (у Моргуна 90 гектаров земли). Как? А профессионально просто: порезали восемнадцать резиновых баллонов.

Для фермера, которому всегда во время работы в поле дорога каждая минута, это было большим потрясением. Подошло время сеять сою, а тут самая настоящая диверсия...

Милиция тогда, как и во многих подобных случаях, не помогла выявить преступников. Но речь здесь не об этом, а о трудных испытаниях, которые выпали на долю амурского крестьянства в наши дни.

• • •

Что ни говори, сегодня все чаще и чаще многие амурцы обращают свои ностальгические взгляды в не столь далекое прошлое, когда на заре советской перестройки наш агрокомплекс, освободившись от вериг консерватизма, начал стремительно наби-

рать силу. Вот оно, говорили тогда, пришло то, что нужно было сельскому хозяйству. А то, что пришло тогда, называлось интенсивными технологиями возделывания. Появились коллективы интенсивного труда, работавшие на полном хозяйственном расчете, позже — арендные коллективы.

В Амурской области первые попытки выращивания зерновых по интенсивной технологии сделаны были в опытно-производственном хозяйстве Всероссийского научно-исследовательского института сои и в одном из старейших хозяйств области — совхозе «Ерковецкий».

Помнится, перейдя на интенсивную технологию, и без того небедное хозяйство «Ерковецкое» резко пошло в гору. В 1986 году, сразу после внедрения нового метода, здесь было получено более полутора миллионов рублей чистой прибыли. Согласитесь, по тем временам эта цифра внушала немалый оптимизм. Село стало строиться, люди повеселели, во дворах появились мотоциклы, автомобили, иная техника. «Заживем!» — говорили с уверенностью ерковчане. «Ясное дело, заживут», — вторили им работники средств массовой информации, которые в те времена любили наезжать в этот экономический «маяк» горбачевской перестройки.

Но потом изменились времена, изменились приоритеты, изменилась сама экономическая политика в агрокомплексе, на селе появилась хозяйственная многоголосица. И все как-то заметалось, растеклось, напряглось в неведомом отчаянье.

Я приехал в Ерковцы тогда, когда журналисты уже забыли дорогу в это село. И это немудрено — времена интенсивных технологий канули в Лету, наступила эпоха иной идеологии, где главной фигурой уже выступал «самостийщик»-фермер. Хотя, в общем-то, коллективные формы ведения хозяйства продолжали преобладать в Приамурье, но на смену колхозам и совхозам уже пришли сельхозтоварищества, ассоциации и прочее в этом роде. Люди за долгие десятилетия привыкли трудиться сообща, и эта привычка у них существует и сегодня.

Совхоз «Ерковецкий» к этой поре тоже изменил свое название и некоторую содержательную суть и стал называться этак по-современному товариществом «Ерковецким». Сюда привело меня в тот раз одно желание: хотел своими глазами посмотреть на постперестроечное хозяйство, которое в середине восьмидесятых заявило о себе как некоторый прообраз хозяйства будущего.

...Борщ был особенный — цветом, вкусом, ароматом. Как заметил кто-то за столом, такие борщи готовила, бывало, покойница баба Уля, городская тетка хозяйки Татьяны. Но ведь она тоже из Ерковцов, а предки коренных ерковчан, первооснователи села, были выходцами с Полтавщины. Видно, и искусство приготовления знатного борща пришло оттуда, а следовательно, его с полным основанием можно назвать украинским. Вот за украинским борщом и собрались Стеценки (так по-украински, ибо русский язык такие фамилии не склоняет) по случаю близкого Дня Победы. Конечно, далеко не все, потому что за сотню с лишним лет пребывания на Амуре род этот разросся, словно ягодный куст, продолжает расти и сегодня.

На стол было выставлено все, чем богат деревенский дом в наше время. Снедь незамысловатая, но так остро напоминает нам о первоначалье бытия, что больше тянешься к нему не желудком, а душой. Снежной белизны сало с поразительно мягкой корочкой, соленые, необыкновенного вкуса огурчики и помидоры, несущие в себе тайну и холод деревенского погреба, и деревенский хлеб...

— Свой, тетя Тань?

— Нет, из магазина. Хотя некоторые выпекают свой — это у кого есть приспособления.

По случаю оказавшийся за столом у Стеценок, не без умысла спрашиваю хозяйку: «А из чьей, мол, муки выпекают в домах хлеба, из государственной или своей?» — «Из государственной», — говорит. Свою они («они» — это товарищество «Ерковецкое») по-прежнему в закрома Родине сдают — всю до зернышка, а потому вкуса своего хлеба не знают. Хотя нет: не то в прошлом, не то в позапрошлом году здешний руководитель часть зерна пустил на мелькомбинате в размол, а потом раздал муку ерковчанам. Хлеб, говорила тетя Таня, получился отменный. И клейковины в муке было достаточно. А ведь говорили, что клейковина из нашего зерна ушла, потому едим хлеб из канадской и прочей муки. Значит, думаю, не вся ушла, значит, можем еще получать на полях полноценное зерно и печь добрый хлеб — тот самый знаменитый амурский, который при царе-батюшке на внутреннем и внешнем рынке славился и которого на Амуре выращивали столько, что хватало и себе и другим. В те времена именно хлеб наравне с нашим золотом был самой твердой валютой, за счет чего и богатело Приамурье. Это позволяло селянину жить безбедно, порой и основательно, ибо жил он не только надеждами, но и реальными плодами своих трудов.

Сегодняшняя жизнь амурского крестьянина, естественно, разнится с той, что была когда-то. Разговорились во дворе у тети Тани с ее старшим сыном Владимиром. Он, конечно же, побольше бы рассказал, да спешил к своему трактору: завтра начало сева, а трактор еще не готов. Но то, что он рассказал, не радует и не вселяет надежду. Похоже, даже этот землешеский уголок не скоро еще очухается от выпавших на долю крестьян испытаний и бесконечных нововведений на селе. Да что там последнее десятилетие: весь этот век явился для амурского хлебороба цепью многотрудных испытаний и преодолений. Такова уж, видно, судьба нашего Отечества, где каждый социальный опыт начинался именно с крестьянства, потому-то самый больной наш нерв — тот, что проходит через село.

На вопрос, как ему живется-может, сколько денег зарабатывает, Володя, взрослый мужик, лишь по-мальчишески растерянно моргнул да скорчил кислую физиономию. Двенадцать тысяч... Тяжело? Тяжело, и более того...

— Да разве на эти деньги проживешь? — Это уже тетя Таня продолжает тему. Она хлопчет у стола и не знает, чем бы еще попотчевать гостей. Горячий борщ дымится в тарелках. Мы глядим на него, глотаем слюну и машем руками тете Тане: да будет тебе, всего, чай, уже в досталь! Ведь и мы из города не с пустыми руками приехали — и колбаса есть на столе, и сыр, и прочее. («Колбаса, — говорит тетя Таня, — это хорошо, мы здесь ее редко едим — для нас она дорогая».)

Между делом тетя Таня рассказывает о своей нелегкой житухе. Речь, сильно сдобренная украинизмами, удивляет российский слух своей непривычной певучестью. («Бачите, як мы живем...» Так говорят тут почти все — украинское дальневосточное село так и осталось украинским.) Сын Володя нынче с тетей Таней живет: разошелся с женой. У матерей доля такая: провожать да назад принимать. Раньше вот Виктор с ней жил, «младшенький». В прошлом году на тракторе, на «Кировце», перевернулся и погиб. И жизнь как будто ушла из тети Тани, а жить надо. Хоть для того, чтобы

тот же Володя не пошел по миру с его двенадцатью тысячами в месяц. Чтобы не пошли по миру его дети. Ее пятьдесят с небольшим пенсионных «тысчонок» всех и кормят.

«Почему сыну платят так мало? Да у товарищества просто нет денег, — объясняет тетя Таня. — А денег нет потому, что в прошлом году сдали зерно государству, а государство за него не рассчиталось. С декабря прошлого года народ не знает настоящих денег». Вот так не по-человечески к ним отнеслись: ведь столько пришлось тем же механизаторам в прошлое лето повкалывать — жилы рвались от натуги. И то: урожай получили отменный — до тридцати с лишним центнеров зерновых с гектара снимали, да и соя богатая на урожай была... Жаль, все не впрок. «Всю жизнь что-то неправильно получается, — говорит тетя Таня. — В недавние времена селянам регулярно выдавали заработную плату даже в том случае, если урожая не было. Понятное дело, государство лодырей плодило, аккуратно давая дотации никудышным хозяйствам. А сейчас новый перекосяк: люди вырастили богатый урожай, а их на голодный денежный паек посадили...»

...Хороша водочка под ядреные огурчики. Обжигает губы и душу удивительной вкусности борщ. А тетя Таня яички деревенские около каждого кладет: только что из-под курочек. Ешьте, мол, не бойтесь. Это у вас там, в городе, обязательно варить их нужно — много всякой заразы на птицефабрике развелось. И откуда взялась? Раньше о ней и не слыхивали.

Разговариваем.

— Тетя Таня, а как вы готовите борщ?

— Нужно долго томить на плите, тогда он наваристей получается.

Чуть захмелела хозяйка, захмелели гости. Стали судьбы свои ворошить, в памяти копать.

Вот она, тетя Таня, амурская крестьянка... Как жизнь свою прожила, много ли счастья видела? Вздыхает тяжело: «Да какая там жизнь! Ни выходных, ни праздников не видела». Все, как сама высказалась, в дерьме копалась. На ней и дом был, и подворье, и огород. Мужиков, как водится, быстро смерть по селам выкашивает — вот и остаются вдовами. Тетя Таня тоже довольно рано без мужа осталась. Хозяйство большое, попробуй справишься. Привыкла на себе все тянуть и тянула. До сей поры (а ей уж за шестьдесят) и свиней держит, и корову, бычка вон растит. Одного вырастила — сыну среднему отдала. У него трое детей, а кормить нечем — товарищество не платит. Было бы свое фермерское хозяйство — другое дело. Там сам вырастил, сам продал, сам деньги за вырученное в свой карман положил. Но на фермерство здесь не слишком-то падки. Привыкли вместе ляжку тянуть — и тянут. Сколько еще будет так — неизвестно. Может, придет время и по единоличным хозяйствам рассыпятся. Если, конечно, увидят, что их можно наладить. А пока не спешат, все чего-то выжидают. Не та сфера деятельности, чтобы вмиг все перевернуть. И навыки людей здесь нужно учитывать, и знания, а еще психологию, которую не перекуешь в одночасье, как те мечи на ораля. Ждут люди...

Я вышел за околицу. Природа уже дышала глубоко и вольно, как дышит выздоравливающий больной. Чернели готовые к нынешнему позднему севу пашни; набухали почки на деревьях; над вскрывшимися озерами кружили прилетные цапли — искали себе место. «Идет жизнь! — думал я. — Продолжается! Вот завтра сев

зачнется — значит, будут надежды у людей. Но будут и думы о другом — получат ли они за выращенный урожай деньги? А это как-то непонятно получается: хлеб крестьяне растят, а сами его не едят?»

По Шопенгауэру, мир обречен на вечные страдания, но люди не знают, что под их вечные беды мыслители уже давно подвели философскую базу, они все стремятся и надеются жить лучше. Амурский крестьянин тоже жив этими надеждами, потому каждую весну он начинает новый круг своих надежд. Эти надежды и рожают первооснову нашей материальной жизни — хлеб. Думы о нем стимулируют жизнь людскую на селе, заражая село энергией и силой даже в самые тяжелые и бедовые годы...

* * *

Сегодня очень трудно обозначить значительные подвижки в добрую сторону на амурском селе. Да, структура организации сельскохозяйственного производства меняется. При многоликости форм производства с каждым годом становится больше фермеров. Причин тому много: где-то, не выдержав рыночной конкуренции, начали разваливаться товарищества с ограниченной ответственностью — эти, как многие говорят у нас, скрывающиеся за новой вывеской прежние малорентабельные коллективные хозяйства. Куда податься после этого людям? Пробуют завести свое производство. Землю им выделяют по закону — дальше сам действуй. Бери кредит в банке, заводи собственный банковский счет, закупай технику и проч., проч., проч.

Есть и такие, что по собственному желанию выходят из товариществ и ассоциаций (а у нас еще кое-где остались под старыми знаменами и самые что ни на есть сущие коллективные хозяйства — колхозы, часть из которых работает ни шатко ни валко, часть же, как и прежде, влачит свое жалкое существование). То ли чужой добрый пример был заразительным, то ли понимают, что нужно сегодня искать для себя место — завтра будет поздно. Но должен сказать, что многие крестьяне давно поняли, что фермерство, как его ни превозносят сегодня многие, панацеей от всех бед не является, ибо фермерство само в основном бедует на Амуре. Причин тому много: это и слабая материально-техническая база начинающих фермеров, это и трудности с банковскими кредитами и займами, когда под них приходится платить огромные проценты, это и постоянное чувство неуверенности в том, вырастет ли урожай, а ежели вырастет, — то можно ли будет его продать и выручить за него деньги... Огромная сложность еще в другом — в подъеме самого фермерского производства. Ведь фермер не о семи руках, а хозяйство, как правило, солидное: и пашня, и мясное производство, и молочное... А кто-то еще и переработкой продукции занялся — попробуй сдюжь!

Вот на этом переходном (или исходном?) этапе и случается неразбериха на селе: старое рушится, а новое не успевает подняться. Оттого и результаты более чем скромные — куда до тех, что были в начале той же горбачевской перемены! Растет себестоимость продукции, растут цены на нее. Для коммерсантов становится уже более выгодным завезти продукты питания из-за границы, чем закупить их у нашего крестьянина. Вот и мечется тот в бессилии, вот и пребывает в нужде. Но кто его сегодня выручит? Да никто. Казна государственная пуста, местные бюджеты дышат

на ладан, руководители местного уровня, равно как и само наше российское правительство, все гадают, где найти средства, чтобы пополнить бюджеты. Начинают давить на того же производителя, в том числе и на селянина. Выдавай, дескать, налоги. А что с того взять?..

... Когда-то, помнится, совхоз «Гродековский» был среди передовых хозяйств Благовещенского района. Положение у него выгодное: земли богатые, а близость к областному центру давала возможность сполна и быстро сбывать свою продукцию для нужд многонаселенного города. Особенно славилось его молочно-товарное хозяйство, что в основном находилось в селе Кани-Курган, одном из отделений совхоза.

В прошлом году побывали и в Гродекове, и в Кани-Кургане — сплошной разор. Товарищество, возведенное на фундаменте совхоза, считай, распалось полностью. Куда люди пошли? В фермеры. Казалось бы, ну и ладно — было бы впрок. Но ведь это только номинально числились здесь десятки фермерских хозяйств, на самом же деле настоящих, действующих фермеров были единицы. «А чем остальные занимаются?» — спрашиваю старых здешних знакомцев. «А ничем, — отвечают, — водку пьют». — «Но ведь водку на что-то надо покупать, — говорю, — деньги нужны...» А все просто: пьянство шло за счет продажи техники и запчастей. Разукомплектуют какой-нибудь механизм — и продают его в какую-нибудь соседнюю деревню, где еще что-то теплится. Так и идет. Дошли до того, что паи свои земельные начали продавать. А что еще спившемуся и разложившемуся крестьянину остается? Насильно сейчас от алкоголизма не лечат — кому нынче кто нужен? Вожжей административных не стало, милиции давно уже не боятся — вот и идет гибель.

Что касается некогда славной кани-курганской молочно-товарной фермы, то там случилось непоправимое: скот уморили, а потом не отапливаемое зимой помещение, где раньше находились коровы, стало разрушаться — стены не выдержали мороза и рассыпались в прах...

Но нельзя сказать, что все погибло в этой круговерти. Те, кто посильнее, и в Гродекове, и в Кани-Кургане продолжают работать. Несколько человек (да-да, всего несколько человек!) продолжают коллективный труд в товариществе, несколько человек пробуют наладить фермерское хозяйство. Добрым фермером, например, в Кани-Кургане считается Николай Хребтов, который уже четвертый год ведет единоличное хозяйство.

— Да, — говорит он, — некоторые думают, что фермеры купаются в золоте. Враки это все! Попробуй подними в одиночку такую махину — пуп у слабого развяжется. Ведь кабала кругом. Если дают кредиты, а в основном их, конечно, не дают, то под такие бешеные проценты, что и не захочешь брать. Я тоже в свое время брал кредиты, — ведь чтобы вырастить будущий урожай, нужно купить горючее, запчасти на технику, а то и саму технику. Вот и посмотрите, куда уходит вся прибыль. А что будет на следующий год? Вырастишь ли урожай? Это еще бабка надвое сказала, а то, что проценты в банке растут, — это точно.

Николай все эти годы занимался выращиванием овощей — баклажанов, перца, раннего и позднего картофеля. В прошлом году посеял зерновые. Думал, комбайн к сроку раздобудет — не вышло. Урожай получился добрый, но он так и остался в поле...

Остальные фермеры в Кани-Кургане тоже бедуют, но потихоньку копят. Наде-

ются на лучшие дни. Придут ли? Иные верят, что придут. А в основном у всех здесь надежда на мост через Амур, который будут в скором времени возводить в непосредственной близости от села. Вот, дескать, начнется строительство — и все встанет на свои места. Люди пойдут на стройку, будут зарабатывать деньги и уж тогда пить перестанут. Ведь проект-то какой мощный — считай, трансконтинентальный, уникальный проект. Две такие мощные державы — Китай и Россию — свяжет мост, а по большому счету — Европу и Азию.

Ну а как же тогда здешнее сельское хозяйство? Люди уйдут на стройку — значит, некому будет пахать и сеять?

У Николая Хребтова на сей счет свои мысли имеются.

— Начальство, — говорит он, — уповает на то, что со строительством моста все здесь изменится в лучшую сторону: иностранцы, мол, через мост будут ездить, так что грех им показывать нашу неухоженность. Деньги будут вкладывать в здешнее хозяйство, дороги хорошие строить... Много я слышал в своей жизни обещаний, всякие сюда начальники заглядывали, о своих проектах говорили. А деревня как была наша захудалой, так и осталась. Вот и с мостом тоже. Приезжали как-то к нам представители акционерного общества «Мост», которое собирается вести строительство, поговорили с людьми в полуразрушенном клубе и уехали. С той поры мы ничего об этой компании не слышали. Вы думаете, они обеспечат нас работой? Как бы не так. Им ведь специалисты нужны, а откуда они в деревне? Даже механизаторы — и те другого профиля...

Что касается перспективы развития сельского хозяйства в этих местах, то, по мнению Хребтова, грядет настоящая катастрофа. Из производства будут выведены обширные угодья, в том числе пашенные земли, сенокосы, пастбища... Что будет с людьми? Куда они подадутся? В город? Но там своих безработных немало. А здесь не выжить — работать будет негде... Надеяться на живность в собственном подворье? Сегодня, например, для многих в Кани-Кургане единственный шанс выжить — это иметь свою корову, своего поросенка, свою птицу... С приходом строителей деревня останется без кормов. Покупать в соседнем районе? А кто компенсирует убытки? Акционерное общество «Мост»? Вряд ли — кто его заставит это сделать? Сама же компания на это не пойдет, что ей до судеб простых крестьян!

У соседа Хребтова Анатолия Горкушева, тоже фермера, несколько иная позиция на этот счет. Он искренне считает, что с началом строительства моста жизнь в селе в значительной степени изменится к лучшему.

— Откровенно говоря, — заявляет он, — сегодня нам живется здесь хреново. Зато с приходом компании многие селяне будут обеспечены работой, возобновится строительство жилья. А это очень важно. Ведь жилой сектор совсем разрушен.

У Анатолия в хозяйстве шесть коров, есть птица, свиньи. Есть свой пашенный клин, пастбищные угодья, свой участок на лугах. Живет исключительно за счет того, что сам взрастит и произведет. Себе хватает, еще и детям в городе помогает. Когда-то жили вместе с родителями в деревне, но хозяйство местное хирело, не стало работы — поехали в областной центр за лучшей долей. Сейчас, когда есть возможность самому развернуться на земле, казалось бы, можно и возвратиться назад, но есть ли смысл в наше время возвращаться к земле, когда село в основном бедствует, когда ему никто не помогает выйти из прорыва? Кто-то все же возвращается, и тому есть

примеры, как есть и случаи, когда коренные горожане уходят в фермерство, достигая там хороших результатов. Многие амурцы, например, могут рассказать вам о том, как ушли несколько лет назад фермерствовать пожилые супруги — бывшие актеры театра драмы. Как сами говорят, у них на земле получилось лучше, чем на сцене. Вот такими жизненными парадоксами полнится нынешнее время.

Но есть в нем немало неожиданностей, а порой и просто несбывшихся надежд. Недавно захотел узнать, как поживает один из первых в области арендаторов, а позже и фермеров Юрий Невдач, о котором я рассказывал в начале моего очерка. Звоню в село, спрашиваю у работницы тамошнего узла связи, как выйти на Невдача. Отвечает, что его в селе сейчас нет. Он теперь-де не в Прядчине работает, а в Натальине — механиком, кажется. Каждое утро туда за многие километры выезжает. Почему в своем селе не работает? А развалилось-де его хозяйство. И у других фермеров развалилось. Влезли в долги — вот банк и разорил...

Вот такая судьба первых. Самых крепких. Самых смекалистых. Самых надежных.

Да, когда-то землепашец, я говорю о настоящем землепашце, мечтал о том, что вот придут когда-нибудь такие времена и государство позволит мужику хозяйствовать на земле самостоятельно. Дескать, лишь бы было такое позволение, а уж там мы как-нибудь сами разберемся. А потом пришли к власти в стране реформаторы и тоже стали мечтать о свободном труде крестьянина. Дескать, вот теперь-то жизнь на селе пойдет, теперь все — в руках землепашца.

Оказывается, те и другие ошибались в своих думах и мечтах. Не все так просто, как казалось прежде. Слишком много в жизни обстоятельств, которые мешают нашему празднику души. Эти обстоятельства, а их великое множество, сводят на нет наши нынешние потуги изменить лицо села. Сможем ли мы вообще что-то изменить в этой жизни?..

«Что сейчас сдерживает реформы на селе?» — спросил я одного мудрого человека. «Некомпетентность, неповоротливость и безмозглость самого государства», — ответил тот.

Я уже давно заметил интересную деталь: в Приамурье очень много говорят о проблемах сельского хозяйства, в то же время эти проблемы не решая. Или же порой и решая их, но попадая впросак.

Раньше безынициативный (читай: неумелый, нерасторопный и проч. в этом роде) хозяйственник мог сослаться в сердцах на саму систему: это она, растуды ее туды, командно-административная, не дает возможности творчески распорядиться своими планами. Но что же сейчас не дает встряхнуться людям и наконец поднять нашу сельскохозяйственную отрасль? Ведь на дворе, ни много ни мало, — настоящий рыночный ренессанс!

Увы, не помогает и рынок. И мне кажется, а не слишком ли зашла вглубь наша традиционная провинциальная болезнь, признаки которой — неповоротливость сознания и отсутствие должной деловой мобильности?

Вот вам примеры из жизни.

Уже долгие годы мы ведем разговоры о строительстве у нас в области сети предприятий, перерабатывающих сельскую продукцию. Как известно, «голое» произ-

водство, не подкрепленное усилиями перерабатывающей промышленности, ничего не дает. А ведь Приамурье издавна страдает из-за отсутствия такой базы. В частности, являясь основным производителем сои в России, Амурская область до сих пор не имеет ни одного своего соеперерабатывающего предприятия.

Вот ведь какая потрясающая штука получается: в век великой технологической революции, продолжающей набирать темпы во всем мире, мы у себя не можем соорудить несчастный соеперерабатывающий заводик. «Почему?» — задаемся мы вопросом. «Почему?» — удивляются и наши соседи-китайцы.

Здесь мне кажется уместным привести старую формулу: кто хочет работать, тот ищет себе дело, кто не хочет, тот ищет причины, чтобы не работать... И причины находятся. Это и отсутствие денег, и отсутствие поддержки центра, и все прочее в этом роде. Но ведь чуть больше года тому назад сам Президент России благословил нас на строительство того самого соевого заводика. Увы, даже это не сдвинуло проблему с мертвой точки.

А тем временем в регионах, где симуляции бурной деятельности предпочитают рыночную хватку, дело идет. Так, возникшая недавно в недрах рыночной экономики ассоциация переработчиков сои «Ассоа» построила в Краснодарском крае (заметим, в регионе, не славящемся, в отличие от нашего, своими традициями по выращиванию этой культуры) восемнадцать перерабатывающих заводов (1) общей мощностью 300 тысяч тонн. Инвестиционный кредит на строительство подобных предприятий составляет немалую сумму — 2,2 миллиона долларов, и выделение его обеспечивает принятая в 1993 году правительственная программа, которая предусматривает резкое увеличение посевов сои и быстрое развитие соеперерабатывающей промышленности.

И вот здесь-то возникает вопрос к нашему областному руководству: а почему же оно, в отличие от руководителей Краснодарского края, не добилось того, чтобы те восемнадцать перерабатывающих заводиков были построены в нашем регионе? (Кстати, оценив выгоду в выращивании соевых бобов, на Кубани в этом году резко увеличат посевные площади под эту культуру — с 30 до 100 тысяч гектаров.)

Что ни говори, а краснодарцы оказались проворнее и деловитее нас, заполучив все сполна кредиты, предназначенные для обеспечения соевой программы страны...

Второй пример тоже заставляет задуматься над тем, почему мы так безответственно, а может, даже некомпетентно подходим у нас в области к решению проблем развития агрокомплекса региона.

Несколько лет назад в Благовещенске появился новый региональный отраслевой научно-исследовательский центр — филиал Санкт-Петербургского института химической мелиорации почв. Появление его было обусловлено многими факторами, главный из которых — поиск новых путей по обеспечению в регионе подъема и сохранения почвенного плодородия земель. Дело в том, что в связи с удорожанием удобрений в стране, постоянным ростом тарифов на транспортные перевозки амурские земледельцы в последние годы перестали покупать химические удобрения, а следовательно, и питать ими почву. По словам людей компетентных, по этой причине резко снизилось плодородие здешней пашни, вследствие чего снижается и урожай культур. Говорят, не за горами время, когда сельское хозяйство в регионе вообще станет исключительно нерентабельным по причине низких урожаев, и тогда неминуем крах амурской экономики, основа которой — агрокомплекс.

Филиал НИИ, скомплектованный из серьезных и знающих ученых и специалистов, который возглавил ученый агроном-агрохимик с тридцатипятилетним стажем научно-производственной работы Д. А. Курдин, был призван решить проблему химизации почв (многие ученые считают, что при наших бедных землях агрохимическую науку следует считать главной из всего комплекса сельскохозяйственных наук). Этого можно было достичь путем поиска в нашем регионе сырья для производства удобрений, чем коллектив филиала НИИ и был занят все последние годы. Работа не была безуспешной. Ученые-агрохимики нашли и на опытах доказали высокую ценность и эффективность для амурского земледелия архаринских фосфоритов, бурейских цеолитов, золы, получаемой на Благовещенской ТЭЦ, а также амурских залежей бурого угля, местного источника азотных туков.

Увы, важная программа филиала оказалась под угрозой срыва. И это в наши-то дни, когда провозглашена реформа сельского хозяйства!

— Над нами, — говорит его директор Д. А. Курдин, — занесен бюрократический топор, а это значит, кто-то хочет просто уничтожить все наши добрые начинания.

Началось все с того, что главный заказчик филиала в лице облсельхозуправления перестал оплачивать работу ученых-агрохимиков. В результате ученые долгие месяцы не получают заработной платы, нет денег для продолжения научной работы, а тут еще ТЭЦ за долги вынуждена была отключить тепло в здании филиала. Вот вам и образец того, как у нас легко могут заморозить в прямом и переносном смысле любое доброе дело, в том числе и науку. А говорят, прошли времена, когда с ней, наукой, могли расправиться, как с последним щенком. Увы, как видим, все осталось на прежних местах. Как будто мы вновь погружаемся во мрак невежественного чиновничьего беспредела. Хотя, если посмотреть, люди-то все те же у руля местной экономики, разве что называться стали на новомодный лад — реформаторами...

Бюрократия ныне, в отсутствие должного контроля со стороны общественности (так уж складывается политика в нашем государстве), часто идет на, мягко выражаясь, непопулярные меры. Вместо того чтобы помочь выстоять тем же ученым-агрохимикам в это тяжелое для науки время, она просто умывает руки, то есть, если отбросить всякую образность, ничтоже сумняшеся закрывает организацию, которая является источником головной боли для чиновников.

Я не буду детально вдаваться в подробности всех перипетий «дела ученых-агрохимиков» (назову его так), потому что тогда может открыться очень неприглядная картина, где будут примеры и чьего-то протекционизма, и чьей-то дремучей некомпетентности, и чьего-то чиновничьего своеволия, амбиций и прочего в этом роде. Скажу только, что, вникнув в это самое «дело», умные головы нашего региона сразу поняли, что идет самая настоящая игра (или атака) против тех, кто добросовестно делает свое дело. Вот что, например, пишет в адрес президента Российской академии сельскохозяйственных наук Г. Власенко председатель облсовета народных депутатов А. Н. Белоногов: «Амурское областное собрание (тогда еще так назывался областной представительный орган власти. — *Авт.*) убедительно просит вас не допускать закрытия или передачи Амурского филиала ВНИПТИМ (о нем мы ведем речь. — *Авт.*), чего добиваются некоторые сельхозорганы области в целях последующей приватизации его имущества. Считаю, что серьезных причин для этого нет...

В настоящее время филиал много делает для решения вопросов вовлечения в

сельскохозяйственное производство многочисленных запасов минерально-сырьевых ресурсов, что не решается другими научными учреждениями Дальнего Востока...»

На таком унылом и безнадежном для местного агрокомплекса фоне все продолжают и продолжают эти, как оказалось, порой бесплодные разговоры о проблемах агонизирующего в Приамурье сельскохозяйственного производства. Где-то идет нормальная жизнь: увеличиваются те же площади под зерновые и сою, строятся перерабатывающие предприятия, руководство поддерживает как морально, так и материально крестьянина, а ученых не бьют коленом под зад... А может, это только кажется, что где-то лучше, чем у нас. Ведь, как говорят в народе, за морем и телушка — полушка... Тогда что делать?.. Куда мы идем?..

Ах эти вечные и наивные русские вопросы...

